

МАРК ЛЮБОМУДРОВ

КОЖИНОВ

Моё знакомство и последующая дружба с Вадимом Кожинным связаны с событием, которое стало этапным в моей жизни. Мы впервые встретились на знаменитой Новгородской конференции “Тысячелетние корни русской культуры”. Она была организована только что возникшим Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры. В Новгород съехался цвет русской национально мыслящей интеллигенции. Те, кто не забывал и крепко помнил, что мы – русские. Мы – великий народ, и у нас богатейшая культура и славная история.

О конференции меня известил Сергей Семанов, мой давнишний питерский друг, который тогда только что переехал в Москву. Вместе с общим нашим товарищем, филологом Юрием Герасимовым мы и отправились (разумеется, своекоштно) из Питера (тогда – Ленинграда) в Новгород: у нас не возникало сомнений в важности предстоящего события, которое было назначено на 29–30 мая 1968 года. Знаменательно, что завершение конференции совпало с праздником Вознесения Господня.

Тотчас по возвращении в Питер я записал свои впечатления. Воспроизвожу этот отрывок из дневника полностью:

“Эта конференция – событие историческое. По сути, это первый за последние пятьдесят лет на Руси съезд русских людей с целью обсудить судьбу России и русской культуры, судьбу нации. Именно так и развёртывалась конференция, в этом был пафос лучших выступлений: Палиевского, Кожинова, Волкова, Семанова, Афанасьева, знаменитого тенора Ивана Козловского и других.

Необходимы заслоны, и уже не только оборона, но и наступление ради защиты Руси...

О необходимости наступательного духа в пропаганде национальных ценностей говорил академик Петрянов. Он выступил против названия Общества, справедливо указав, что слово “охрана” имеет пассивный характер.

Зам. predisполкома Новгорода П. Кузьменко говорил о продолжающейся гибели ряда ценных памятников в городе. О попытке издать репродукции русских икон, отвергнутой издательством: усмотрели опасность пропаганды религии (!). Рассказал о том, как один американец, которого в России обслуживали по “люксу”, предлагал любые деньги за возможность переночевать в бывших покоях архимандрита Юрьева монастыря. А покои эти разорены, не оборудованы.

Д. С. Лихачёв сделал интересный доклад, но уж слишком академический – ни одного прорыва в современность. Все ограничилось призывом сделать Новгород центром исторического образования.

Потом вышел на сцену Ив. Козловский. Говорил бессвязно, сбивчиво, но с чувством, с болью и тревогой за славянские ценности, культуру. Резко — о памятнике матери-Родине на Волоколамском шоссе, на котором он увидел однажды пионерский галстучек, — оскорбление святыни! Жаловался на снятие “Князя Игоря” в Большом театре, критиковал статью Зимина, опровергающего принадлежность “Слова о полку Игореве” 12 веку. Говорил об уничтожении русской природы, озера Байкал. И в заключение спел “Сейте разумное, доброе, вечное...” под аккомпанемент рояля.

С выступлением Козловского славянский дух, запертый до этого в сердцах, вырвался на простор. Кожинов и Палиевский говорили почти откровенно. Кожинов оперировал Пушкиным, его словами о Радищеве: слабоумное изумление перед своим веком и презрение ко всему прошедшему... Центр его речи — в призыве не только охранять церковные памятники, но и вспомнить о церковной литургии православной, в которой много поэзии, — это прекрасная опера (молодец, бестия! Сумел призыв в защиту религии облечь в очень обдуманные термины, исключая возможность провокационных наскоков). В заключение цитировал стихи Пушкина из главы, не вошедшей в канонический текст “Евгения Онегина”... *Иди большой дорогой столбовой...*

Наиболее интересен, пожалуй, Палиевский. Его смелая идея: взрыв талантливых людей на Руси на рубеже 19–20 веков связан с тем, что народ как бы в предчувствии катастрофы, грядущей бездны накапливал ценности, чтобы их перенести с одного берега пропасти на другой. Пётр опровергал устарелое, по его мнению, представление, будто искусство России того времени было только критическим. Нет — “Воскресение” (роман Толстого) — его суть в воскресении, а не в срывании всех и всяческих масок.

Палиевский привёл любопытную цифру: в 1886–1900 г<одах> было основано 9 тысяч церквей и монастырей (!). Поднял на щит Менделеева, Василия Розанова и его “Опавшие листья”. Прочитировал абзац, где Розанов говорит о современном ему образовании: большинство выходит из школы, зная лишь то, что у человека 32 зуба и 24 ребра.

На следующий день наиболее значительным было выступление писателя О. Волкова (к слову, он просидел в советских лагерях 28 лет). Он всё назвал своими именами — надо поднимать, возвращать национальное самосознание русских граждан Советского Союза, вернуть величие и культуру Русского государства. Протестовал против отождествления русского национального сознания с великодержавным шовинизмом!

Господи! Как замечательно, что слова эти можно было услышать публично, при большом скоплении людей! Беспощадно высек политику власть предержащих в области национальной культуры архитектор Афанасьев: Дворец съездов чужероден Кремлю, гостиница “Россия” своим масштабом подавила Кремль, сделала его игрушечным и т. д.

Познакомился с группой прекрасных московских парней — это они стоят у колыбели “Общества охраны...” и данной конференции. Кроме Палиевского и Кожинова, это Игорь Кольченко, Дмитрий Жуков, Святослав Котенко, Урнов и другие. Ребята мыслящие, инициативные, искренне озабоченные судьбой России.

Я придаю конференции исключительное значение: это зачатие движения, которого сегодня ждут все лучшие люди России. Если удастся ещё пробить журнал — его предполагают назвать “Отечество” — то движение будет крепнуть более быстрыми темпами. Призыв к организации журнала раздавался почти в каждом выступлении.

В кулуарных беседах выплеснулось множество проблем, вопросов, которые сегодня существуют в нашей действительности. Это русские и жида; интеллигенты и интеллектуалы; левые и правые; очищение от клеветы национальной культуры и искусства; отношение к властям; что понимать под национальными русскими ценностями. Единства в понимании всех этих сложнейших проблем нет.

Ещё из запомнившегося. Москвичи ищут фундамент своей идеологии в наследии Розанова, Меньшикова и др. Из Палиевского: в чистом виде в России никогда ничего не проходит, компромиссы неизбежны. Из Д. Жукова: интеллигенты — главные предатели, предали Россию, ненавижу интеллигентов, я сам — аристократ, дворянин. Из Иг. Кольченко: современная генетика доказала, что смешанные браки ведут к вырождению, генетически вредны.

Два дня пронеслись в стремительном вихре. Голова вспухла от впечатлений и мыслей” (конец дневниковой записи).

События, встречи, беседы, споры тех замечательных дней врезались в память на всю жизнь. Ещё довольно отчётливо помню, как в конце первого дня конференции мы собрались в одном из помещений, прилегающих к залу. За очень большим округлым столом расселось человек двадцать. Среди них находился и Кожин. Это была русская московская гвардия, члены т. н. “Русского клуба”. Из Ленинграда, кроме нас с Герасимовым, не было никого (!). Всмотревшись в лица, я испытал некое ошеломление: из двадцати персон не оказалось ни одного еврея! Мне это показалось просто невероятным. В театральной среде, в сообществе искусствоведов, в котором я по преимуществу тогда находился, такого не случалось никогда. В ту пору театр и искусствознание подверглись очередной, весьма агрессивной волне еврейской экспансии.

С этих памятных дней и завязались мои близкие отношения не только с Кожинным, но и с Палиевским, И. Кольченко, Д. Жуковым, О. Михайловым и другими московскими патриотами-националистами. Кожин, вероятно, был среди них наиболее многогранно одарённым и с огромным творческим потенциалом: о том свидетельствовала его год от года возрастающая творческая продуктивность, глубина и оригинальность высказанных идей и открытий.

Из ленинградцев к московской патриотической когорте не присоединился более никто. Можно припомнить ещё, что из Петрозаводска приезжал писатель Дм. Балашов. Всё услышанное в Новгороде крепко совпало с моими, тогда уже во многом оформившимися взглядами: Россия – моя земля, русский народ – теснимый и унижаемый – моя боль и ответственность.

Возвращаюсь к Кожину. В дальнейшем наши встречи, переписка, телефонные разговоры с ним стали регулярными. После Новгорода прошли похожие конференции в других городах. Я, как и Кожин, участвовал в Смоленской (1970) и Белгородской (1971). В Смоленске, например, я выступил с докладом “Изучение и охрана памятников театральной культуры”

Тогда в нас мощно пробудился интерес к истории нашей культуры, к истокам русской мысли. Мы – каждый по-своему – жадно осваивали богатейшие россыпи, драгоценное наследие, оставленное гениальными русскими пророками, мыслителями рубежа XIX–XX веков. Это, прежде всего, В. Розанов, М. Меньшиков, С. Нилус, С. Булгаков, А. Шмаков, Л. Тихомиров и другие. Их произведения стали для нас родниками настоящей духовности, исторической правды, ошеломляющих прозрений. Через них мы заново осознали великую ложь, русофобию и террор революционной эпохи, смогли понять всю глубину, всю беспощадность закабалённости русского народа. Смысл истории, особенности политических противостояний становились всё более отчётливыми.

В напряженном и очень содержательном информационном обмене энергичное участие принимал и Вадим. Пожалуй, наибольшим для нас авторитетом тогда обладали Палиевский и Кожин. Их яркие таланты, бьющая ключом острая мысль завораживали всех, и мы гордились своими духовными лидерами.

Рубеж 1960–1970-х годов вспоминается как время светлое, весеннее. Вероятно, потому, что мы были относительно молоды (большинству не исполнилось и сорока лет), радовались тому, что пробилась, наконец, сквозь партноменклатурный асфальт живая и сильная русская мысль, что не расстреливают за “Протоколы сионских мудрецов”, о которых хотя и вполголоса, но стало возможным говорить. Мы ощущали себя волонтерами национально-освободительной борьбы, которая переживала этап своего подъёма.

Говорили, спорили о серьёзном, но могли и погусарить, и о Бахусе не забывали. В Смоленске, помню, после конференции собрались в каком-то ресторанчике. Надо заметить, что в воздаянии Бахусу тон задавали два признанных “лихача” – С. Семанов и В. Кожин. В застолье тогда принимали участие представители горкома КПСС и администрации города. Но никого из нас это не смущало и не останавливало. Во всё горло пели царский гимн “Боже, царя храни...”, всеми любимые “знаковые” песни “Как ныне собирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам”, “Гром победы раздавайся, веселися храбрый росс” и другие – по тем временам – безусловно крамольные произведения.

Для того чтобы передать атмосферу наших встреч, нашего общения, приведу отрывок из своего дневника. Запись сделана тотчас по возвращении из Смоленска (июнь 1970):

“4–6 июня конференция Общества по охране памятников в Смоленске. Были ребята из Москвы – человек двадцать, костяк Русского клуба. Общее впечатление: движение русской идеи крепнет, хотя и недостаточно быстро. Одновременно наблюдается и некоторое расслоение: в отношении к революции, к нынешней власти, к хазарам. Оселок – какой вопрос главный: русский или хазарский. В головах много каши и прямолинейных подходов. Нет отчётливости в позитивных целях, есть легкомыслие и бравада. Есть небрежение коренными для русской идеи проблемами нравственности, добра, соотношения с общечеловеческим идеалом. Вместо этого упоение политиканского уровня заботами. Не потому ли Палиевский как будто отходит, отслаивается от движения? В Смоленск он не приехал. У Д. Жукова те же ощущения.

Нужна выработка доктрины, остро нужна. Русская идея пока болтается, как айсберг в океане. А надо поставить капитанский мостик, выбрать курс, причалить к берегу” (конец дневниковой записи).

Запомнилась и коллективная поездка в Белгород. Нас тогда возили по разным районным центрам, где мы держали речи, кинорежиссёр Борис Карпов демонстрировал свой замечательный фильм “Рассказ об одной русской матери” – все её девять сыновей погибли на войне. Без слёз смотреть было невозможно.

Кожин был участником поездки. Помню, что всех нас очень тревожило его состояние. Мы ехали в одном вагоне, но обратили внимание, что Кожин из своего купе не выходил и на стук в дверь не отзывался. Было очевидно, что он “загудел”, а к тому же был с дамой сердца. В моём дневнике о Кожине сохранилась короткая запись: “Кожин был всё время пьян. Но на конференции выступил блистательно. Высший класс. Двадцать минут глубоких идей и верх изящества по форме” (конец записи).

Эту конференцию в зале городского Дворца культуры я запомнил очень хорошо. Проблематика была военно-исторической. Все члены нашей группы выступали с докладами. Участвовали и генералы, воевавшие в Великую Отечественную войну: Ротмистров, Чистяков, Степан Красовский и другие. Лучшими, помнится, оказались выступления С. Семанова и В. Кожина.

На сцене, в президиуме, Вадим сидел впереди меня. Он находился в очень тяжёлом, физически разобранном состоянии. Его едва ли не под руки привели и посадили на место. Сидел он как-то неустойчиво, голова падала на грудь, мутные глаза. На мои попытки пошевелить его за плечо (мне показалось, что он заснул) Кожин не реагировал. Я с ужасом ожидал неотвратимого скандала, когда объявят его выступление. Мои соратники-москвичи, однако, сидели весьма невозмутимо.

Наконец, ведущий назвал фамилию Кожина. И тут на моих глазах свершилось чудо. Вадим вдруг встрепенулся, быстро встал и твёрдой походкой прошёл к трибуне. И сразу заговорил уверенно, внятно, напористо, властно подчинив себе зал. Нужно ли напоминать, что никаких бумажек в руках у него не имелось. Это была великолепная, сверкающая импровизация. Оратор говорил о значении военно-патриотической литературы в общественной жизни. Окончив и сорвав оглушительные аплодисменты, Вадим столь же уверенно, даже молодежато дошагал до своего стула, опустился на него и – снова погрузился в оцепенелую дремотность. Я не верил своим глазам и ушам. Передо мной свершилось нечто невероятное, какое-то необыкновенное перевоплощение. Какой же огромный ресурс – силы духа, воли, интеллекта – таился в этом человеке!

Этот эпизод меня поразил и заставил ещё раз восхититься талантом Вадима, его способностью моментально отмобилизоваться, собрать себя в кулак в любых сложных обстоятельствах. Но было и от чего огорчиться. Вадим злоупотреблял алкоголем, к тому же он невероятно много курил. Сколько может выдержать организм такие перегрузки? Как оказалось, запаса хватило ещё на тридцать лет!

В отличие от многих других москвичей, Кожин время от времени наезжал в Ленинград. И каждый раз звонил мне, и мы встречались. Наши общие друзья потом передавали мне его реплику: в Ленинграде, кроме Любомудрова, никого и нет. . .

Иногда мог позвонить среди ночи, в подпитии, грозился немедленно приехать. Чаще мы виделись у кого-либо из его знакомых или. . . подруг. Одну из наших встреч я описал в своём дневнике. Воспроизвожу запись без купюр и стилистических поправок:

“18 мая 1973. Пятнадцатого виделся с Кожинным, который приезжал сюда на обсуждение своей статьи в “Контексте”. Он ночевал у Инги Петкевич.

Я привёз ему на опохмелку чекушку водки и бутылку сухого, как он и просил. Он сидел без денег: “Шесть статей задержали у меня после яковлевской статьи”. Завёл пластинку Вертинского (“У розового моря...”) – считает эти его стихи гениальными... .

Память у него потрясающая, приходится признать, что алкоголь на неё совершенно не влияет. Знает наизусть бездну стихов и песен. Жалел, что не было гитары, – он любит петь. К слову, и любит готовить еду – у него явный поварской талант. Инга принесла две паршивые сардельки, которые Вадим тут же схватил и убежал на кухню. Через десять минут принёс аппетитно поджаренные, с разрезами на концах – блюдо само просилось в рот.

Рассказывал, что в 1956 г<оду>, читая доклад Хрущёва о Сталине, плакал, ибо искренне верил в Сталина. “Он, конечно, мерзавец”, – это Вадим о Сталине.

Вадим считает, что на сознание современников влияет год рождения. По его мнению, рубежным является 1932 год. Все, родившиеся до, – консерваторы, после – либералы. Провёл аналогию с западниками и славянофилами. Славянофилы все родились в 1803–1809 г<одах>. А все западники – после 1811 г<ода>. Говорил о большой роли войны 1812 года.

Я проводил Вадима на Васильевский остров, к Пушкинскому дому, где он получил командировочные. По этому поводу заметил: “Теперь мне хватит на билет и ещё на пол-литра”. Потом отправились в гостиницу для приезжающих учёных на Миллионной. По его просьбе я поднялся на этаж за его вещами. Он не хотел показываться администрации, чтобы не платить за лишние полсутки.

Подарил отпечаток своей статьи в “Контексте”. Статья талантлива, с обилием оригинальных идей, с острыми опровержениями, с глубиной и эрудицией. Общее впечатление от Вадима – бешено талантливый, но и расхристанный человек, который пошёл в распыл. Очень жаль его таланта – природно русского, с удалью и мудрыми прозрениями” (конец дневниковой записи).

Слава Богу, “в распыл” Кожиннов всё же не пошёл (хотя иногда туда и захаживал), и ещё без малого тридцать лет трудился на своём поприще невероятно плодотворно. В “Контексте-1972” Кожиннов опубликовал статью “О принципах построения истории литературы (методологические заметки)”. По её прочтении я тотчас отправил в Москву письмо с выражением своих чувств. Привожу его полностью:

“Дорогой Вадим! Прочёл твою статью “О принципах...” и от души поздравляю тебя с нею. Здесь глубина и блеск твоего таланта раскрылись особенно отчётливо. А идей хватило бы на десятокopusов. Основные твои тезисы показались мне вполне убедительными. Французская сетка стилей явно трещала по швам. Я вспоминаю свои прошлые недоумения при попытках соотнести творчество многих писателей 18-го – начала 19-го в<еков> с канонами наших литературоведческих теорий.

Сопоставления и анализ, из которых ты исходишь, основаны на непредвзятом восприятии сути: эпохи и самих произведений. Приоритет социально-исторического критерия всегда приводит к истине. В конечном счёте, ты ударил по яйцам формальную школу в разных её проявлениях (от Эйхенбаума до...).

Потому и твои термины, определения – не спекулятивно-вымученные, а родившиеся органично – русское просвещение, русский романтизм и т. п. И возникает яркое ощущение самобытности нашего искусства, ибо совершенно справедливо его расцвет ты связываешь и с утверждением национального самосознания, и с<с> освоением стихии народа, созданием языка и пр. В большинстве сегодняшних и прошлых трудов наших коллег эти категории существуют сами по себе... Тов. Яковлев выразил это, так сказать, в классическом виде.

Блестяще дана характеристика европейского ренессанса с его мартирологом казней и бесчинств. Понимаю, что плеснул керосином в муравейник. И коль уж сделал это, мог бы насадить на свой шампур побольше имён всяких систематизаторов. Назвал или не назвал, всё равно они тебе объявят войну. И потому лучше называть.

Из спорного. Думаешь, что увлекаясь сопоставлением Европы и России, ты недостаточно раскрыл своеобразие и русского ренессанса, и русского просвещения (у тебя педаль на хронологии). Убеждён, что есть существенная

разница между тиранией Генриха Восьмого и Николая Павловича (об этом говорят хотя бы прозвища – “Кровавый” и “Палкин”).

Слишком бегло и потому спорно, односторонне прописан тезис о том, что к романтизму относятся славянофильство, почвенничество и народничество. Эти движения в один ряд можно поставить только по внешним признакам, с чем ты борешься. Не очевидно ли, что славянофильство и народничество “по сути” противостояли друг другу? Это, впрочем, придирики.

Ещё раз поздравляю, обнимаю и шлю низкий питерский поклон. 18 мая 1973 г<ода>. Марк Любомудров” (конец письма). Упомянутый в письме Яковлев – это сотрудник аппарата ЦК КПСС, автор злобной русофобской статьи “Против антиисторизма”, в которой он оклеветал едва ли не всех тогдашних русских патриотов, в том числе и Кожинова. Статья появилась в “Литературной газете” в ноябре 1972 года, после чего последовали репрессии против многих упомянутых в ней авторов. Яковлев – будущий “архитектор перестройки”. Лютый враг народа.

Все мы, друзья и поклонники Вадима, высоко ценили ещё один его дар – дар собирательства. Он прославился как великий знаток и попечитель русских поэтических талантов. Кожинов отыскивал, поддерживал, помогал с публикациями многим поэтам почвеннического направления. Среди них можно вспомнить Н. Рубцова, Н. Тряпкина, А. Прасолова, Ю. Кузнецова и других. С особым вниманием следил за творчеством наших “провинциалов”. Вадим владел поразительным чутьём на поэтический дар. Его поддержка была особенно дорога для начинающих литераторов, которым он помогал поверить в себя, а в последующем и войти в большую литературу. Его смело можно назвать главным опекуном, наставником и пропагандистом современной ему русской поэзии. Впрочем, эта сторона его деятельности общеизвестна.

Но надо заметить, что поддерживал Кожинов не только поэтов, но любых литераторов, критиков, филологов, искусствоведов, если они были идейно ему близки. Иногда Вадим обращался за содействием ко мне как искусствоведу, представлявшему едва ли не в единственном числе русско-национальное направление в исследовании истории и эстетики сценического творчества. Кожинов знал цену поддержки единомышленников и, если мог, всегда приходил на помощь. Свидетельством чему является одно из его писем, сохранившееся в моём архиве. Вот оно:

“Дорогой Марк! Доходят до меня слухи, что ты был в Москве, и я огорчаюсь – почему не позвонил, не зашёл ко мне? Впрочем, как говорит современная молодёжь, “напряжёнка” у всех.

Посылаю тебе сочинение очень даровитого теоретика о театре. Целый ряд его работ о литературе имел сильное воздействие. Но все театроведческие круги Москвы в штыки встретили данную статью. Они, если не понимают, то чувствуют, что статья выбивает почву из-под самых любезных им понятий.

Был бы очень рад, если бы ты нашёл какой-нибудь путь для этой статьи. Она сложна по стилю, но ведь и проблемы решаются сложнейшие. И на большой глубине. Словом, посмотри и сообщи. Можешь прямо обратиться к нему: Донецк (Вадим указал адрес и телефон. – **М. Л.**) Фёдорову Владимиру Викторовичу.

Всего тебе доброго, жди статьи в “Волге” № 10 и “Москве” № 11 (если свинья не съест). Крепко жму руку. Вадим Кожинов.

Р. С. Извини, что высылаю второй экземпляр статьи; первый не возвращают *стервы* из “Театра”. Если статья тебя заинтересует, Фёдоров пришлет первый. В. К. (18 августа 1982 г<ода>)” (конец письма).

Комментирую: “театроведческие круги Москвы” – это о подавляющем большинстве московских критиков и театроведов, настроенных антирусски не только по этнически-корпоративным мотивам, но и по идейно-эстетически. Для них кумиром являлся Вс. Мейерхольд. В журнале “Театр” зав. отделом критики тогда была небезызвестная в московских кругах Нат. Крымова (к тому же ещё и жена режиссёра Анат. Эфроса), которой русские начала были глубоко чужды. Противодействие и травлю со стороны еврейской театральной мафии я сполна испытал на собственном опыте. Подготовленную докторскую мне так и не дали защитить.

Кожинов, конечно, не был – и не мог быть – только филологом. Круг его интересов был весьма обширен и постепенно смещался от филологии к эстетике и истории. Эта особенность привлекла меня и в уже упомянутой статье

“О принципах...” Такая эволюция к приоритетам социально-исторического и даже политического содержания мне оказалась близкой. Я и сам проделал сходный путь: от искусствознания к русской истории, к проблемам общекультурного, социально-политического характера. Сегодня именно они в центре моего внимания. Вопросы “чистого искусства” для меня всегда были чужими.

Мы не только перезванивались, переписывались, обменивались статьями. Кожинов всегда был готов и к практическим действиям, к поддержке, которую он рад был оказать. Поддерживал и меня. Он ясно понимал одиночество (а потому и оборонительную недостаточность) моей позиции не только в Питере, но и в целом, в общекорпоративном театральном пространстве, в котором господствовали многоликие русофобствующие “стервы от театра”.

В 1982 году в популярной тогда “Библиотечке “Огонька” (приложение к журналу) вышла моя книжечка “Судьба традиций”, в которой была изложена парадигма русской театральной традиции – эстетики и школы. Я полемизировал и с ходячими официально-коминтерновскими эстетическими догмами, которых придерживалась тогда каста, присвоившая монополию на театральные взгляды и оценки.

На моё произведение обрушился шквал критики и свирепых обвинений едва ли не политического характера. Чтобы поддержать меня и сделать дискуссию открытой, мои друзья из Московского городского общества охраны памятников предложили организовать обсуждение “Судьбы традиций”, получившей резонанс в самых разных общественных кругах.

Обсуждение состоялось в середине апреля 1982 года в зале знакомого всем москвичам Дома Н. Д. Телешова на Покровском бульваре, 18. Заседание было открытым. Я весьма тревожился по поводу его исхода: оставалось неясным, кто придёт и как будет выступать. Воспроизвожу краткую дневниковую запись:

“Обсуждение прошло удачно (есть магнитофонная запись и стенограмма). В первом ряду в центре, сложив руки на груди, сидел молодой обаятельный незнакомец, часто улыбался мне. Как потом оказалось – чекист... Выступали М. Лобанов, В. Кожинов, А. Полетаев, Эд. Володин и другие. Я чувствовал себя очень неловко – уж очень хвалили меня. Не привык. Никогда в жизни таких комплиментов себе я не слышал” (конец записи).

Конечно, для меня были особенно дороги выступления Кожинова, а также Лобанова и Володина. После таких слов от столь авторитетных лиц полемизировать с ними или подвергнуть книгу “разносу” было просто невозможно.

И в этом эпизоде выразилась творческая, дружеская отзывчивость Вадима. Он охотно и успешно, а главное – с душой помогал единомышленникам, и я был одним из тех, кому он всегда благоволил.

В октябре 1982 года у нас состоялся очередной обмен письмами и новыми публикациями. Сохранилась копия моего письма Вадиму, которым я сопроводил отправленные ему ксерокопии только что вышедших из печати моих статей – “Горизонты сцены” в журнале “Звезда” и “Проблемы классики” в “Огоньке” (эту статью журнал отметил премией). Вот текст письма:

“Дорогой Вадим! Посылаю тебе два своих опуса на темы, может быть, для тебя интересные. Оба проходили трудно. В “Звезде” так просто детективный сюжет. Мне кажется, что сегодня нужны работы, которые бы начали осмыслять последние четверть века не с казённых позиций, а изнутри, ясно показывая возникающие размежевания. Буду рад получить от тебя то, что выйдет в “Москве” и “Волге”. Можешь не сомневаться: всё это сразу пойдёт в работу. С сердечностью, М. Любомудров. 4 октября 1982 г<ода>” (конец письма).

“Детективный сюжет” в “Звезде” – это злоключения моей статьи внутри редакции, состав которой был по преимуществу нерусский. Тогда отделом критики (по этому делу шла моя статья) каким-то чудом заведовала замечательная патриотка, журналистка Алла Калентьева, женщина мудрая, умевшая обходить противодействующие хитросплетения. Она имела свои подходы к главному редактору Г. Холопову. Мой текст странным образом исчез из “портфеля” редакции. Вероятно, приложили руку русофобствующие сотрудники журнала, у некоторых из них одна только моя фамилия вызывала приступ ненависти.

Что касается темы “размежевания”, то мне представлялось принципиально важным развести ортодоксальную, партийно-номенклатурную установку

и живую, корневую русскую мысль. Для меня было вполне очевидным, что между ними не было ничего общего.

Когда в конце восьмидесятых я начал составлять сборник “За алтари и очаги”, то, конечно, в первую очередь, включил в его состав нашу московскую элиту. И, разумеется, — Кожинова. Мой выбор пал на его статью “И назовёт меня всяк сущий в ней язык...” (заметки о своеобразии русской литературы)”. Я стремился создать своего рода энциклопедию национальной идеологии и в предисловии указывал на такую задачу: “...собрать под одной обложкой статьи, отразившие движение русской народно-патриотической мысли последних десятилетий. Объединяющим центром книги является Россия, судьба её народа, культуры, литературы и искусства...” Работа Кожинова вполне отвечала этим критериям.

Сборник “За алтари и очаги” вышел в 1989 году в издательстве “Советская Россия” — во многом благодаря содействию главного редактора издательства и давнего моего друга Сергея Журавлева. Даже и по прошествии десятилетий я продолжаю получать благодарственные отзывы на этот труд.

С середины 1980-х годов общественная жизнь стала выходить из привычных берегов. У преступной горбачёвской катастрофы оказалась обратная сторона, расширились границы политической свободы, возможности для гражданской инициативы. Русское движение стало искать новые формы самоорганизации. Чаше, чем прежде, мы организовывали конференции, творческие вечера, встречи, на которых обсуждали проблемы национальной культуры. Я стремился посылно в них участвовать, и здесь мы весьма часто пересекались с Вадимом. По преимуществу такие встречи происходили в Москве. Я в те годы регулярно бывал в первопрестольной, по многу раз в год.

Одна из немногих питерских конференций состоялась 18 февраля 1986 года. Её организатором выступила кафедра советской литературы Ленинградского государственного университета, которую тогда возглавлял известный филолог Л. Ф. Ершов. Событие было приурочено к 50-летию со дня рождения поэта Николая Рубцова, а предметом обсуждения должна была стать “сибирская литература”. Инициативу реализовали с размахом, придав конференции республиканский статус. Для проведения предоставили большой и весьма респектабельный конференц-зал университета в здании бывших двенадцати коллегий. Питерская общественность проявила к событию большой интерес, зал был переполнен.

Выступило множество докладчиков из разных городов. Я сделал доклад о творчестве драматурга Вампилова. Конечно же, среди приглашённых был и Кожинов. Он представил глубокий и оригинальный анализ творчества Рубцова, которого ценил очень высоко. Среди выступавших были Станислав Куняев, Виктор Астафьев, много критиков и литературоведов из разных городов страны. Очень духоподъёмно произнёс свою речь Куняев, закончив словами Достоевского: “Самоуважение нам, наконец, нужно, а не самооплевание”.

По итогам события я записал в дневнике: “Конференция стала символом подъёма национального самосознания русского народа и одновременно его катализатором”.

В тот же день, поздним вечером поехали в гости к питерскому писателю, стойкому патриоту Алексею Леонову. Пригласили Кожинова, Куняева, присутствовали также питерцы Н. Утехин, Евг. Туинов. За дружеской чаркой продолжали обсуждать прозвучавшие доклады, спорили о литературе, оценивали участников. Мне запомнилось, как Кожинов обронил за столом: “В Ленинграде я вижу одну героическую личность — Любомудрова”.

В дальнейшем многожды, на разных литературных и общественно-политических собраниях мы снова и снова пересекались с Вадимом. Он тогда был чрезвычайно граждански активным, старался не пропускать ни одного сколько-нибудь важного мероприятия, всегда являлся желанным их участником. Москва тогда жила очень насыщенной общественной жизнью.

Помню, как 17 февраля 1989 года мы оба участвовали в учредительном собрании Клуба друзей журнала “Наш современник” — в тушинском Доме культуры “Красный Октябрь”. Кроме Кожинова, там выступали М. Лобанов, Ап. Кузьмин, Ю. Лощиц, И. Стрелкова. Зал, в котором находилось около 700 человек, всех принимал восторженно.

На следующий день, 18 февраля состоялось одно из самых массовых патриотических собраний того времени – в спорткомплексе “Крылья Советов” в Сетуни.

Туда съехалось несметное число москвичей. Как я потом выяснил, спорткомплекс вмещает свыше пяти тысяч человек. Чёткой повестки дня не обозначили. Все, кто выступал, говорили о судьбе России, о её будущем. Здесь мы снова встретились с Вадимом. Участвовали также Ап. Кузьмин, Мих. Антонов, поэт Ю. Кузнецов, два священника (отец Лев Лебедев, имя второго я не запомнил), несколько учёных. Вёл встречу С. Семанов. Почему-то он был подавлен и безумно нервничал, перед началом въедливо выпытывал, о чём каждый из нас собирается говорить, очень опасался, чтобы не трогали еврейский вопрос. Особенно волновался за Ап. Кузьмина, помню дословно реплику Сергея (уж процитирую её): “Чтобы только этот идиот не стал говорить о сионизме”. Могу предположить, что он опасался возможных репрессий “сверху”. Но тогда мне это показалось безосновательным и даже смешным... Семанов даже пообещал Кузьмину “бутылку коньяка”, если тот воздержится от “опасной” проблематики. Таков был наш закулисный “инструктаж”.

Многотысячный зал был чрезвычайно наэлектризован. В одном из секторов обосновалась группировка из “Памяти” Дм. Васильева, они вели себя агрессивно. Над рядами неоднократно развёртывали трёхцветные имперские знамена, поднимали плакаты “Русскому возрождению быть!”, “Храму Христа Спасителя быть!” и другие подобного содержания. Не раз звучали громкие крики “Да здравствует Россия!”.

Почти все речи, в том числе и Кожинова, завершались бурными аплодисментами. “Воспалённость” аудитории я почувствовал на себе: моё выступление раз шесть или восемь прерывали аплодисментами и вроде бы на достаточно спокойных фразах. На сцене я сидел рядом с Вадимом, и мы постоянно перешёптывались, поражённые тем, что происходило. В какой-то момент Семанов подозвал меня к себе, посоветоваться – читать ли записки из зала и, соответственно, значит, и отвечать на них. Я посоветовал читать, ко мне присоединился и Вадим, который очень настойчиво убеждал Семанова в том же. Но, в конце концов, Сергей категорично отказался от чтения записок, о чём мы с Кожинвым весьма сожалели.

Несколько записок я унёс с собой и сохранил их. Вот одна из них: “Позвольте пожелать Вам, присутствующим на сцене, нашим именитым и дорогим людям – дорогим для многих и многих Российских сердец – многолетия и помощи Божией. Бог Вам всем в помощь”.

Ещё запомнился вечер, посвящённый краснодарскому журналу “Кубань” (29 июля 1989 года), тогда весьма популярному благодаря своим смелым, острым публикациям. Собрались всё в том же, для многих уже привычном тушинском ДК “Красный Октябрь”.

Кожинов, конечно же, был среди участников, представил серьёзный, вдумчивый анализ деятельности журнала. Кроме него, выступали Мих. Лобанов, Ап. Кузьмин, Пётр Паламарчук. Вёл встречу Павел Горелов, тогда сотрудник издательства “Молодая гвардия” (как вскоре выяснилось, в патриотическом движении человек случайный).

В моём дневнике сохранилась такая запись: “Самого Канашкина (главного редактора) на этом вечере не было, у него случился сердечный приступ, и он вынужден был остаться в гостинице. Собрание прошло пристойно, без особых всплесков, как происходило нередко прежде. Привыкли уже к таким вечерам, да и публика всё та же. Я сидел во втором ряду, меня со сцены назвал Лобанов – пришлось встать, поклониться, аплодировали долго. Были записки из зала с предложением дать мне слово, но Горелов просьбу похерил (может, и к лучшему)” (конец записи).

Как я могу судить, Вадим являлся одним из самых энергичных, боевых (и эрудированных) членов сложившегося тогда в Москве патриотического братства, сплочённого, единомысленного, всегда готового отстаивать и пропагандировать русскую идеологию, утверждать наш национальный патриотизм.

Позднее, в 1990-е годы “митинговая”, публичная составляющая русского освободительного движения стала ослабевать. Повлиял и бандитский танковый расстрел “Белого дома” в октябре 1993-го. В этот период реже доводилось видеться с Вадимом. Но я, конечно, продолжал следить за его статьями и книгами, число которых увеличивалось по нарастающей. В серии ЖЗЛ он

опубликовал прекрасную книгу “Тютчев”, создав объёмный, содержательный и во многом по-новому истолкованный портрет гениального поэта и политического мыслителя.

А на исходе девяностых (накануне его неожиданной кончины) произошёл особенно мощный прорыв в публикации новых кожиновских произведений. Один за другим он выпускает объёмные труды по истории России XX века: “Черносотенцы и революция” (1998), “История России. XX век. 1901–1939” (1999), “История России. XX век. 1939–1964” (1999), “История России и русского слова” (1999).

Эти книги, их высокий исследовательский уровень поставили Кожинова в первый ряд русских историков и мыслителей своего времени, вместе с О. Платоновым, М. Назаровым, И. Шафаревичем, И. Фрояновым, Л. Гумилёвым и другими. Особую ценность, на мой взгляд, имеет его труд об истории черносотенного движения и сопутствующей ему эпохи – кануна и периода революции 1917 года. С такой тщательностью, с таким вниманием до Кожинова эту тему не изучал никто. Он раскрыл не только глубинную народность, корневой патриотизм, благородство, бескорыстие и самоотверженность “чёрной сотни”, неотразимую силу её идеологии, но и невероятную прозорливость, пророческую мудрость черносотенных вождей. Их предсказания русской катастрофы сбылись с поразительной точностью.

В своих исторических произведениях Кожинов показал себя необычайно кропотливым и въедливым учёным, обнаружив бесстрашное стремление к правде, умение обобщать огромное количество фактов, мнений, свидетельств, добиваться объективности и непредвзятости в оценках имён и событий столь сложной и противоречивой эпохи.

В исследовании исторических узлов и конфликтов начала XX века автор убедился сам и убеждает читателя в том, сколь точными, обоснованными предстают суждения и оценки о своём времени очевидцев, свидетелей черносотенного направления (в отличие от кадетско-либеральных и красносотенных взглядов, показавших свою абсолютную несостоятельность), таких как Иоанн Кронштадский, М. Меньшиков, В. Розанов, С. Булгаков, А. Шмаков, Н. Марков, И. Родионов, П. Ковалевский и другие истинные духовные вожди русского народа. Увы, они тогда не были услышаны и не могли победить – эту трагедию Кожинов также подробно исследовал.

То, что было открыто черносотенным мыслителям природной мудростью зрения, их обострённым национализмом, любовью к своему родному племени, от Бога полученным даром проницательности, – спустя столетие Кожинов смог подтвердить, опираясь на неотразимую реальность всего, что случилось с Россией в XX веке, суммировав всю совокупность источников, документов и свидетельств трагического столетия.

Историку помогла основательность и точность методологического инструментария. Кожинов убедился, что познать правду истории можно, только распутав три главных политических узла, три “вопроса”: русский, еврейский и масонский, с чем автор и справился более чем успешно.

Я не берусь утверждать, что взгляды и оценки Кожинова свободны от недостатков. Представляется спорным мнение, будто Православие и идея истинной монархии “не способны возродиться и стать основной опорой бытия страны”. Ложной (многократно опровергнутой) является и идеология евразийства, поддержанная историком. Наконец, не могу согласиться с огульным отрицанием расовых проблем и понятий, самой науки расологии, евгеники, вопросов расовой гигиены и чистоты. Эти темы Кожинов отвергает с порога, совершенно бездоказательно объявляя “характерным западным мифом”. Но названные изъяны не имеют первостепенного значения и не влияют на общую мою высокую оценку исторических трудов автора.

С глубокой печалью вспоминаю панихиду по Вадиму (я присутствовал на ней) в конференц-зале Института мировой литературы, которому он отдал не одно десятилетие. Пришло множество людей, в надгробных речах звучала пронзительная скорбь. Сердце сжималось от боли, от сознания того, что уже более никогда мы не увидим рядом с собой этого выдающегося русского Человека, благородного гражданина, блистательного учёного и публициста, душевного друга, так много сделавшего для России.